

Ускользящая идентичность «Правого дела»

Кирилл Бенедиктов

Тринадцатого ноября завершился очередной этап истории российского политического либерализма. Партия «Союз правых сил», на протяжении девяти лет игравшая роль лидера правого фланга российской политики, заявила о самороспуске на своем последнем, шестнадцатом по счету, съезде. Ничего другого правым, по сути, не оставалось: после шокирующих результатов последних выборов в Госдуму, на которых СПС получил менее одного процента голосов избирателей, политическое сэппуку выглядело единственным способом сохранить лицо.

Переструктурирование правого фланга

Сценарий предусматривал не только самороспуск СПС, но и объединение правых с двумя либеральными партиями — «Гражданской силой» и «Демократической партией России» в единый проект «Правое дело». Проект с самого начала получил ярлык «кремлевского» — не только в кулуарных разговорах, но и на страницах влиятельных СМИ никто не делал секрета из факта, что объединение СПС, ГС и ДПР было спланировано в Администрации Президента. Речь, таким образом, идет о переструктурировании всего правого фланга российской политики: на смену «не справившимся» СПС, ГС и ДПР придет право-либеральная партия нового типа.

Зачем нужны либералы?

Почему «не справились» со своими задачами старые правые, в общем, понятно: СПС погубили внутрипартийные конфликты и амбиции лидеров, ГС и ДПР, несмотря на оказанную им Кремлем административную поддержку, просто не сумели завоевать доверие избирателей.

Гораздо сложнее понять, зачем Кремлю в принципе понадобились правые. Существует могущественная сверхпартия «Единая Россия», в недрах которой можно отыскать и левых, и правых, и центристов, и, наверное, даже либертарианцев. Уже давно (по крайней мере, с 2004 года) в «Единой России» шли дискуссии о необходимости разделения на левую и правую «платформы». Прорабатывалась и идея «принудительного раскола» на три партии (сейчас, в условиях экономического

ресурс «Единой России», кажется весьма странным, что малые и маргинальные правые партии до сих пор не были поглощены этим гигантом, подобно тому, как мелкие космические тела притягиваются гравитационным полем больших планет. На самом деле процесс миграции правых, например, из СПС в ЕР, наблюдался еще с 2000 года — однако он никогда не угрожал самому существованию партии. **Всегда существовал некий барьер, делавший невозможным слияние ядра право-**

Цвет отечественного либерализма

кризиса и необходимости политической консолидации, от этой идеи, по-видимому, окончательно отказались). Однако в итоге был сохранен статус-кво — внутрипартийные клубы (условно, левый, правый и национал-патриотический) канализировали соответствующие идеологические тенденции в рамках одной «всеохватной» сверхпартии или, точнее, «партии всего народа».

Правое крыло ЕР, идеологическим центром которого является «Клуб 4 ноября», придерживается либерально-консервативных взглядов. Учитывая огромный административный

го фланга российской политики (наиболее типичным представителем которого является СПС) с правым крылом «партии власти».

Это тем более странно, что идеологические расхождения лидеров СПС и активистов правого крыла ЕР, хотя и существуют, не выглядят непреодолимыми. По мнению политолога Станислава Белковского, *«идеологически они не отличаются ничем. Это люди одних и тех же взглядов, одного и того же круга. Если взять Владислава Резника или Виктора Плещачевского, как классических представителей правого крыла «Единой России», то невозможно найти ни*

одного отличия между ними и, скажем, Анатолием Чубайсом — ни по идеологии, ни по карьере, ни по бэкграунду. Все они — основные выгодоприобретатели постсоветского периода российской истории, люди, которые во многом определили его идеологию».

С Белковским, впрочем, не согласен член федерального политсовета СПС Борис Надеждин, являющийся одним из сторонников проекта «Правое дело». По его мнению, говорить о сходстве идеологий СПС и «Единой России» неправомерно. Они *«абсолютно различаются... я бы «Единую Россию» не классифицировал как партию с определенной идеологией, потому что ЕР — это приводной ремень администрации президента в парламенте и регионах. Сама по себе эта партия не производит ни кадров, ни идей, ни законопроектов... Вы найдете в «Единой России» ровно столько правого, сколько левого, сколько имперско-партийного, и так далее, все что угодно вы там найдете»*.

Истина, по всей видимости, лежит где-то посередине. Говорить об отсутствии идеологической повестки «Единой России» было правильно на заре ее существования — тогда это действительно была структура с аморфной идеологией. Ее возникновение было, если воспользоваться терминологией профессора РГГУ Александра Логунова, классическим примером *«административно-бюрократического»* (в противовес *«общественно-популистскому»*) пути партийного строительства. Однако с течением времени сложилась особая праволиберальная платформа «Единой России», в основных своих деталях совпадающая с идеологией правящей элиты в целом (или же идеология элиты была перенесена на правое крыло ЕР и там безо всякого сопротивления принята). Фактически, речь идет о том, что **сложившийся в начале века консенсус политических элит получил в лице правого крыла «Единой России» про-**

водника и защитника своих интересов. Вопрос о необходимости существования иных правых партий, претендующих на собственный взгляд на развитие страны, в этих условиях становился дискуссионным.

И, тем не менее, Кремль предпринял определенные шаги по сохранению жизни на правом фланге российской политики — что характерно, в ситуации, когда избиратель демонстрирует все большее нежелание поддерживать правых.

Всегда существовал некий барьер, делавший невозможным слияние ядра правого фланга российской политики с правым крылом «партии власти»

Версии

Предполагают, что Кремлем двигало стремление улучшить международный имидж России (существование легальной оппозиции). *«Обсуждать темы идейного бэкграунда «Правого дела», их социальной базы, электората абсолютно бессмысленно. По приказанию Анны Иоанновны шут учредил либеральную партию. «Правое дело» нужно власти для того, что показать: у нас все есть, в том числе и либералы»*, — считает журналист Юлия Латынина. Представляется, что это достаточно наивная точка зрения, поскольку оппозиция, на которую Запад действительно обращает внимание — это Гарри Каспаров и другие «несогласные». Создание одной (двух, трех) подконтрольных Кремлю «оппозиционных» партий этой ситуации не изменит. **«Правое дело» явно создается для внутреннего употребления, а не для международного пиара.**

Скептицизм некоторых экспертов в отношении «Правого дела» подпитывается тем, что в руководстве проекта задействованы люди, не относящиеся к первому ряду российских политиков. Анатолий Чубайс дал согласие войти в Высший совет новой партии, но руководящих

функций у этого совета не будет. Члены Высшего совета *«будут обладать в партии не властью, но авторитетом»*, — объясняет Гозман. Новый проект возглавят Леонид Гозман, Борис Титов и Георгий Бовт. По мнению главного редактора «Независимой газеты» Константина Ремчукова, *«на сегодняшний день... нет никаких документальных свидетельств наличия у Титова, Бовта и Гозмана идей нужного качества... на сегодня им предложить правому электорату нечего»*.

Таким образом, на данный момент идеологическая платформа, на которой стоит будущее руководство «Правого дела» действительно не слишком отличается от идеологии правого крыла «Единой России». Однако в стане либералов есть достаточно влиятельные политики, не приемлющие такой идеологической мимикрии. Характерно, например, высказывание лидера санкт-петербургского отделения СПС Георгия Томчина, который, с одной стороны, заявил, что *«быть в оппозиции — это не наша стезя»*, а, с другой стороны, предупредил, что во время кризиса стране угрожает триада лозунгов: приоритет национальной экономики, большой социальный пакет и помощь малому бизнесу. По мнению Томчина, это *«настоящий национал-социализм»*.

В настоящий момент «непарламентские правые» довольно четко делятся на три лагеря: группу, поддерживающую действия правительства по усилению государственного участия в экономике (либерал-лоялисты Чубайс, Гозман, Титов, Бовт), группу, считающую, что раз уж *«либеральная идея взята властью в заложники, то договариваться приходится с теми, кто удерживает заложников, а не с теми, кто нам симпатичен»*

(Мариэтта Чудакова, Борис Надеждин, Григорий Томчин), и группу, принципиально отказывающуюся от какого-либо диалога с властью (непримиримая оппозиция: движение «Солидарность»). При всех внутренних (и порой непреодолимых) различиях эти группы объединяет **принципиальная невозможность ассимиляции в среде властной сверхпартии**, поскольку для любой из них это будет означать полную потерю идентичности. А потеря идентичности (не столько даже идеологической, сколько мировоззренческой) для российских правых является куда большей катастрофой, чем поражение на выборах.

Чья повестка?

По всей видимости, Кремль решил «спасти» остатки терпящего крушение СПС именно потому, что стало очевидно: ускользающую идентичность российских правых не получится растворить в котле «партии всего народа» даже при всех видимых выгодах от такой ассими-

ляции. Борьба с СПС, занимавшим в 2003–2007 годах критическую по отношению к власти позицию, привела к тому, что наиболее непримиримые правые ушли в уличную политику, в экстремизм и «марши несогласных», лишь прибавив Кремлю головной боли.

Повестка дня для правых на сегодняшний момент одна – защита либеральной идеологии, которая – драматический парадокс – подвергается ревизии даже со стороны некоторых лидеров «Правого дела». В настоящий момент российский бизнес четко ориентирован на «Единую Россию», связка с которой формировалась на протяжении многих лет и не может быть ра-

РСПП и ИНСОП – где, по мнению Леонида Полякова, *«начинает формироваться... идеология, нацеленная на то, чтобы артикулировать интересы бизнеса как интересы либерально-реформистской прогрессистской части нашего общества»* правильны тактически, но в долгосрочной перспективе могут оказаться губительными для правых. Ведь сближение правых со структурами, считающимися идеологическими опорами президента Дмитрия Медведева, рано или поздно не оставит им выхода: правым придется либо претендовать на статус «президентской партии», либо отказаться от своего имиджа «ускользающей идентичности»,

Ускользающую идентичность российских правых не получится растворить в котле «партии всего народа» даже при всех видимых выгодах от такой ассимиляции

зорвана безболезненно для обоих участников процесса. Попытки же ориентироваться на

что, как показывает вся их история, равно для них политическому самоубийству. ■

CATCH-ALL PLUS... РАДИКАЛИЗАЦИЯ ПОЛИТИКИ

СУСАННА ПШИЗОВА -
к.и.н., доцент факультета
государственного управления
МГУ им. М. Ломоносова
Специально для РЖ

Я думаю, что сегодня вполне можно рассуждать в рамках парадигмы «всеохватных» партий. **Тенденция к формированию таких партий прослеживается в разных странах.** Появился даже новый термин «catch-all plus» – «всеохватная плюс». Это означает, что партии еще больше связаны с государством и еще меньше связаны с обществом, для них еще важнее тактические установки и ориентация на выборы, **еще менее значима идеология**, чем полагал в свое время автор концепции «всеохватных» партий.

Деидеологизация такого рода партий неизбежна: чтобы охватить как можно больший круг избирателей, политики должны хорошо понимать, чего хочет изби-

ратель, и они активно исследуют рынок электоральных предпочтений. **Партии перестали предлагать свои программы**, они ориентируются при их создании на то, что предпочитает услышать массовый избиратель. Популизм в избирательной кампании очень часто сопровождается совсем другой государственной политикой.

На западе набирают популярность новые партии – крайне левые и крайне правые радикальные партии. В значительной степени это как раз реакция на то, что позиции основных партий сблизились, избиратель не видит между ними разницы. **А те, кому разница нужна, выбирают радикалов.**

Вера в эффективность политической системы, основанной на партиях, разрушается. Возможно, что если не произойдет никаких кардинальных изменений, миру будет угрожать масштабный политический кризис. А пока общество ищет альтернативные пути для выражения своей политической воли, которые с партийными, и – шире – с традиционными политическими институтами никак не связаны. Таких возможностей в современном мире существует множество. ■